

Марк БЕЙССИНГЕР

ФЕНОМЕН ВОПРОИЗВОДСТВА ИМПЕРИИ В ЕВРАЗИИ*

Ниже приводится текст президентского обращения по случаю ежегодного вручения наград Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (AAASS) на ее XXXIX общенациональном конгрессе, проходившем в Новом Орлеане, штат Луизиана, 17 ноября 2007 г.

Тема нашего конгресса в этом году заявлена как “вопроизводство империи”.** Эту тему я выбрал около года назад, надеясь таким образом способствовать развитию творческого подхода к имперской проблематике и стимулировать междисциплинарное обсуждение одной из основных особенностей изучаемого нами региона земного шара. Замысел состоял в том, чтобы, пользуясь известным выражением Чарльза Тилли, сосредоточиться на “серьезных вопросах, больших

---

* Текст печатается в переводе с английской публикации: Mark R. Beissinger. The Persistence of Empire in Eurasia // NewsNet: News of the American Association for the Advancement of Slavic Studies. 2008. Vol. 48. No. 1. Pp. 1-8. Мы благодарим Марка Бейссингера за любезное разрешение опубликовать выступления на организованной им Президентской панели 39 ежегодной конвенции Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (AAASS), а также руководство AAASS за разрешение опубликовать президентский адрес в русском переводе.

Перевод М. Лоскутовой.

** *Прим. редакции:* Английский термин “persistence” представляет определенные трудности при переводе на русский язык. Конвенционный перевод этого термина как “постоянство” и “продолжительность” не передает ключевую коннотацию

структурах и масштабных сравнениях” применительно к нашему региону.¹ Позвольте пояснить, что я имел в виду.

К истории нашего региона можно подходить как к серии иронических ситуаций, или, говоря языком социальных наук, серии загадочных исследовательских проблем. Одна из таких загадок заключается в том, что империя здесь снова и снова используется как практическая категория политики, и это несмотря на то, что регион не раз был свидетелем коллапса империй. Конечно, государство Романовых, будучи осознанно имперской политией, само провозгласило себя империей; оно стремилось при помощи тщательно разработанных ритуалов внушить соответствующее представление и своим собственным подданным, и всему остальному миру (что хорошо показано в работе Ричарда Уортмана² – одного из тех, кому мы сегодня вручаем приз нашей ассоциации). Русские цари совершенно открыто старались культивировать имперскую репутацию, чтобы их правление признавалось законным, справедливым. Насаждаемый ими образ великой империи служил основой их собственного авторитета как внутри страны, так и за ее пределами.

Напротив, Советский Союз стремился к прямо противоположной цели – убедить своих граждан и весь мир в том, что он не является империей. При этом поведение СССР, в конечном счете, снискало ему имперскую репутацию как в глазах собственных граждан, так и всего остального мира. На первый взгляд, СССР возник как постимперская форма правления, многонациональное гражданское государство, ставившее перед собой задачи модернизации входящих в него обществ и преодоления национальных различий во имя классовой солидарности. Советские вожди всегда настаивали на том, что понятие “империя” к их стране неприменимо. Действительно, как отмечает Терри Мартин, чтобы избежать такого сравнения, советское государство специально создавалось на принципах этнофедерализма.³ И все же, как хорошо известно, к моменту распада Советского Союза во всем мире его воспринимали именно как империю, и так же его продолжают на-

“сохранение эффекта после устранения причины, вызвавшей его”. В виду того, что такой перевод одного термина невозможен, в тексте используется выражение “воспроизводство империи”.

¹ Charles Tilly. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York, 1984.

² Richard Wortman. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. 2 vols. Princeton, NJ, 1995-2000.

³ Terry Martin. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca, NY, 2001. P. 19.

зывать сегодня. По словам Рональда Суни, СССР не формировался как империя – скорее, он стал ею.⁴

Однако иронию можно усмотреть еще и в другом, более современном аспекте выбранной мною темы. Как считают некоторые, сегодня Российская империя возрождается. Те из нас, кто следит за публикациями в печати, знают, что в последние годы путинская Россия все более уверенно заявляет о своей силе за рубежом, стремится контролировать мировые энергетические рынки и манипулировать ими ради достижения своих геополитических целей, пытается запугивать соседей, таких как Грузия и Эстония, возвращается к централизованным методам управления национальными меньшинствами (а в случае с Чечней это еще и силовые методы управления). Все это порождает страх и обвинения в возрождении российского империализма, вызывает в Европе и Америке растущее беспокойство по поводу роста российского экономического и политического могущества. Збигнев Бжезинский говорит о “ностальгии по имперскому статусу” в современной России.⁵ Юлия Тимошенко, которая скоро станет премьер-министром Украины, предупреждает о том, что “имперские амбиции России никуда не исчезли с падением Советского Союза”.⁶ Известная журналистка Энн Эпплбаум пишет: в России очень многие убеждены в том, что эта страна имеет “право на империю”.⁷ Почти то же самое утверждается в опубликованной несколько лет назад книге Януша Бугайского “Холодный мир: новый российский империализм”.⁸ Так считают не только ученые, журналисты и политики. Опрос общественного мнения, проведенный Би-би-си совместно с компанией Globescan в 2005 г. в тридцати разных странах, показал: только США и Иран пользуются в мире еще более дурной славой. В 16 из 29 опрошенных стран преобладает отрицательное отношение к российскому влиянию в мире (для сравнения: отрицательное отношение к американскому влиянию в мире преобладало в 18 из 29 стран).⁹ Далеко не все, конечно, соглашаются с тем,

⁴ Ronald Suny. *Ambiguous Categories: States, Empires, and Nations* // *Post-Soviet Affairs*. 1995. Vol. 11. No. 2. Pp. 185-196.

⁵ U.S./Russia: Zbigniew Brzezinski Assesses U.S.-Russia Relations // *RFE/RL*. 2005. May 11. См.: <http://www.rferl.org/featuresarticle/2005/05/b62307e1-832c-4fbc-ab91-ba8fa7a0eb24.html>.

⁶ Yulia Tymoshenko. *Containing Russia* // *Foreign Affairs*. 2007. May-June.

⁷ Anne Applebaum. *Russia's Last Stand* // *The Washington Post*. 2004. December 15. P. A 33.

⁸ Janusz Bugajski. *Cold Peace: Russia's New Imperialism*. Westport, CT, 2004.

⁹ См.: http://www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/views_on_countriesregions_bt.

что к современной России применимо понятие “империя” как аналитическая категория. Многие исследователи, например Андрей Цыганков или Дмитрий Тренин, отказываются использовать понятие “империя” во избежание необоснованного расширения его смысла.¹⁰ В то же время такие ученые, как Эмиль Паин, Чарльз Кинг или Джордж Шёпфлин, считают, что империя – вполне пригодная категория для анализа современной России.¹¹ В сегодняшнем выступлении я не ставлю перед собой задачу ответить на вопрос, кто из них прав. Меня не слишком интересует обращение к феномену воспроизводства империи в трудах исследователей в качестве адекватной аналитической модели для изучения Советского Союза или современной России. Гораздо интереснее разработка подходов к империи как к самовоспроизводящейся категории политической практики в изучаемом нами регионе. Возможно, некоторые усмотрят в выбранной мною теме проявление русофобии или пережиток холодной войны, когда слово “империя” использовалось для того, чтобы опорочить стремление России к удовлетворению своих естественных геополитических интересов. Другие, вполне вероятно, решат, что выбор темы соответствует их собственным представлениям о России – о будто бы присущих ей в силу самой природы имперских амбициях и инстинктах. На самом деле я утверждаю лишь следующее: независимо от того, считаем ли мы империю подходящей аналитической категорией применительно к современной России, склонны ли мы положительно оценивать феномен воспроизводства империи как понятия, периодически используемого в политической практике в Евразии, – все равно следует признать, что стремление быть империей, память о ней, мечты о ней и страх перед ней все время присутствуют в этом регионе. Они продолжают формировать его культуру и политику, и этот социальный факт требует объяснения.

В этом выступлении я хочу задать вопрос: что заставляет людей считать ту власть, с которой они сталкиваются, имперской властью (притом, что в сегодняшнем мире формально империй больше не

существует)? Какого рода действия властей расцениваются как имперские? Как эти оценки меняются с течением времени? Эти вопросы вовсе не лишены смысла, ведь за последнее столетие в России сменился целый ряд политических режимов, которые в той или иной мере считались “имперскими” (некоторые из них сами стремились к такой оценке, другие ее опровергали). В сущности, я хочу высказать здесь несколько основных тезисов. Во-первых, понятие империи как категории практической политики постоянно переосмысливалось в течение XX в. Причинами тому были сопротивление, которое империя вызывала, и утверждение направленных против нее норм государственного суверенитета и права наций на самоопределение. Итак, практики власти, которые в наши дни люди приписывают империи, заметно отличаются от тех, что ассоциировались с империей сто лет назад – использование этого термина в политической жизни существенно изменилось. Империя стала восприниматься как незаконная форма правления, превратилась в отрицательную характеристику, которой государства стремятся избежать, хотя иной раз к ним и пристаёт такой ярлык. Во-вторых, нужно понять, почему различные явления и различные по своему характеру действия властей одинаково расцениваются как имперские. В недавно опубликованной в *Slavic Review* статье я указываю на то, что к империи вполне применимо понятие семейного сходства в формулировке Э. Виттгенштейна. Виттгенштейн определяет его как сходство, присущее ряду предметов или явлений, отличных друг от друга по некоторым признакам, но обладающих достаточным числом общих свойств, чтобы их можно было объединить в одну категорию, и так или иначе связанных между собою.¹² В этом смысле империи в Евразии на протяжении XX века обладали семейным сходством. Говоря о воспроизводстве империи, я не имею в виду преемственность – этого как раз не было, были разрывы, распады связей. Более того, советская империя имела совершенно иную природу, нежели империя Романовых, точно так же, как нынешнее стремление постсоветской России утвердить свое могущество нельзя рассматривать как простое возвращение к советскому империализму. Тем не менее все эти явления и окружающая их политика каким-то образом соотносятся между собой, и мы должны понять, что их связывает. Далее я собираюсь кратко описать четыре таких механизма, которые, возможно, объединяют политику империи во всех этих режимах и в той

¹⁰ См.: Andrei Tsygankov. Vladimir Putin's Vision of Russia as a Normal Great Power // *Post-Soviet Affairs*. 2005. Vol. 21. No. 2. Pp. 132-158; Dmitri Trenin. *The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization*. New York, 2002.

¹¹ Эмиль Паин. Россия между империей и нацией // *Pro et Contra*. 2007. Май-Июнь. С. 42-59; Charles King. Crisis in the Caucasus: A New Look at Russia's Chechen Impasse // *Foreign Affairs*. 2003. March-April. P. 138; George Schoepflin. Russia's Reinvented Empire // http://www.opendemocracy.net/globalization-institutions_government/russia_empire_4589.jsp.

¹² Mark R. Beissinger. Soviet Empire as “Family Resemblance” // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. No. 2. Pp. 294-303.

или иной степени могут помочь нам объяснить устойчивость империи как категории практической политики в Евразии. Перечислим эти механизмы: 1) “прилипчивость”, так сказать, имперской репутации как варианта плохой репутации; 2) инерция массового стремления к высокому статусу и открывающаяся в связи с этим возможность для политических лидеров легитимировать свою власть за счет укрепления национального могущества внутри страны и на международной арене; 3) преемственность интересов, идеологий и поведенческих моделей политических и бюрократических элит от одного режима к другому; 4) повторяющиеся структурные диспропорции в соотношении сил, которые подталкивают действующих лиц к движению примерно в одном и том же направлении.

Позвольте мне начать с объяснения, почему я выбрал эту проблему в качестве темы нынешнего конгресса и моего президентского выступления. Конечно, я ей занимаюсь, и потому, думаю, мне есть что сказать. Но проблема живучести империи имеет также особое значение для всей нашей ассоциации, объединяющей представителей разных дисциплин. С момента распада СССР Американская Ассоциация содействия славянским исследованиям (AAASS) все время мучилась вопросом о том, что же связывает всех ее членов. Самый простой ответ, естественно, гласит: мы все занимаемся одним и тем же регионом. Однако подобный ответ порождает новые вопросы: что такое регион; зачем нужен диалог между разными дисциплинами? В сущности, это вопросы о том, кто мы такие и почему мы из года в год собираемся вместе на конгресс. Конечно, можно ответить и так: нам просто нравится встречаться со старыми друзьями. Это само по себе уже достойная цель. Однако научная ассоциация должна стремиться к тому, чтобы быть чем-то большим, нежели просто местом встречи старых друзей. Можно дать и другой ответ: AAASS дает нам возможность узнать последние новости о том, что происходит в соответствующих дисциплинах применительно к нашему региону. И это тоже достаточно веская причина для существования нашей ассоциации. Однако существует опасность, что мы как организация являемся лишь формальным объединением представителей разных дисциплин, которые редко взаимодействуют между собой. Это проблема стоит не только перед AAASS – она присуща всем научным учреждениям, и в особенности междисциплинарным ассоциациям.¹³ Любая здоровая междисципли-

нарная ассоциация должна способствовать формированию общего интеллектуального пространства, где мы могли бы учиться друг у друга, преодолевая границы отдельных наук. Империя – одна из таких общих тем, вокруг которой в нашей ассоциации уже образовалось некоторое междисциплинарное интеллектуальное пространство. Уже существует значительная группа историков, политологов, антропологов, литературоведов и культурологов, которые занимаются этой проблематикой. Популярность предложенной темы иллюстрируется и количеством секций на конгрессе, сформированных в ответ на мое предложение. В то же время многие из нас, обсуждая взаимосвязанные вопросы, все еще говорят за своими отдельными “столиками”, редко вступая в контакт с представителями других дисциплин и специалистами по другим историческим периодам. Поэтому, выбирая тему империи и предлагая ее конгрессу в такой формулировке, которая охватывает исторические, политические и культурные аспекты империи, я надеялся стимулировать междисциплинарное общение и расширить интеллектуальное пространство нашей ассоциации.

Есть еще целый ряд достаточно важных причин, почему членам AAASS следует обратить особое внимание на живучесть имперской политики в изучаемом нами регионе. Империя играла и играет одну из главных, возможно, даже самую главную роль в формировании истории, политики и культуры региона. Более того, стремление к империи, страх перед ней, память о ней, мечты о ней продолжают определять культуру, литературу, внутреннюю и внешнюю политику в регионе. Именно империя служит основным оправданием нынешней постсоветской государственной системы. На ней строится обоснование независимости государств региона. В заявлении Президента Российской Федерации Владимира Путина о том, что распад Советского Союза был “величайшей геополитической катастрофой века” и “настоящей драмой” для российского народа,¹⁴ содержалось невысказанное предположение: сохранение советской империи было бы более предпочтительно, чем возникновение демократических государств Восточной Европы и тех пятнадцати государств, что сегодня существуют на бывшем советском пространстве.

Не менее важно то, что империя тесно связана с нашим самоопределением как исследователей. Ни для кого не секрет, что само появле-

¹³ См., например: Gabriel A. Almond. *Separate Tables: Schools and Sects in Political Science // PS: Political Science and Politics*. 1988. Fall. Pp. 828-842.

¹⁴ Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации. 2005. 25 апреля. Текст можно найти на сайте: http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml.

ние региональных исследований (*area studies*) и разделение мира на регионы в значительной степени произошло под воздействием имперских проектов и имперского опыта. Изучаемый нами регион – возможно, в большей степени, нежели другие – определялся имперским опытом. С распадом советской империи оказались размытыми границы нашего региона – как раз потому, что он был привязан к империи. Соответственно, некоторые стали задаваться вопросом: существует ли вообще такой регион мира, ради исследования которого и создавалась наша ассоциация. Я всегда отвечал на это – и да, и нет. Все зависит от того, на какие вопросы мы хотим получить ответ. Некоторые проблемы гораздо плодотворнее изучать, проводя сравнение с Европой, с Ближним Востоком, с каким-то другим регионом, оставаясь в рамках какой-то одной науки и не ввязываясь в междисциплинарный диалог. Однако есть и такие проблемы, которые очевидно затрагивают целый ряд стран, находящихся в пределах нашего региона. Изучение этих проблем естественным образом приводит к появлению междисциплинарного интеллектуального пространства, которое служит залогом жизнеспособности наших региональных исследований.

Империя во множестве ее проявлений, старых и новых, с ее разнообразным наследием – одна из таких проблем. Можно констатировать, что сегодня империя вызывает очень большой интерес. Он связан не только с переосмыслением истории империй и отражения этой истории в культуре и общественной жизни, но и с характерным американским увлечением империей. Междисциплинарное изучение империй нашего региона вносит значительный вклад в эти дискуссии хотя бы потому, что с момента крушения европейской колониальной системы в мире осталось лишь две страны, которые часто воспринимаются как империи: Соединенные Штаты и Советский Союз/Россия. Одна из характерных черт России, которая роднит ее с США, заключается в том, что империя как понятие, синонимичное власти, сохраняло свою актуальность и распространенность в России гораздо дольше, чем в других государствах – даже на том этапе мирового развития, когда официально империй уже не существовало. Одна из причин этого явления, возможно, кроется в том, что Россия и Соединенные Штаты в первой половине XX в. перестроили себя как постимперские формы правления. Но, отказавшись от формальных признаков имперской власти, они в то же самое время занялись поисками альтернативных способов распространения своего влияния и контроля в мире, основанном на принципах государственного суверенитета и права народов на

самоопределение. Большинство колониальных держав и сухопутных империй так и не смогло осуществить подобную перестройку. Холодная война стала решающим периодом для ставших сверхдержавами СССР и США. Тогда же распались колониальные империи, а антиколониальные нормы прочно утвердились в международных отношениях. В этом смысле Россия служит зеркалом для нас, американцев, в котором мы можем достаточно хорошо разглядеть собственное, пусть и искривленное, отражение.

Для решения стоящих передо мной задач я аналитически определяю империю как масштабную систему чужеродного господства. Однако прежде всего меня интересует, как меняется само содержание таких понятий, как “иностранное/чужое” и “господство”. Господство предполагает иерархию и контроль – именно их такие политологи, как Майкл Дойль, Алекс Мотыль или Дэвид Лейк, объявляют основными структурными характеристиками империи как аналитической категории.¹⁵ Однако на практике империя почти всегда подразумевает нечто большее – у нее есть и субъективное измерение. Иерархия присуща любому политическому порядку – действительно, без нее не может существовать ни одно общество. В большинстве случаев люди спокойно переносят присутствие иерархических отношений в своей жизни, а иногда даже видят в них благо. Почему? Потому что они верят, что эти отношения приносят пользу всему обществу в обмен на некоторые личные выгоды для тех, кто стоит у власти, или потому что они не могут изменить эти отношения, или потому что их так воспитали. Сами по себе иерархические отношения не могут придать империи ту негативную коннотацию, которую она приобрела в современном мире. Скорее, дело в двух других свойствах, обычно встречающихся у империй. Это чувство чужеродной, иностранной природы власти (даже если культурная граница не всегда имеет этническую природу) и произвольное, волюнтаристское и корыстное ее применение (как пишет мой коллега Филип Петтит, ощущение, что “приходится жить, сдавшись на милость другого”).¹⁶ С помощью этих дополнительных характеристик политики империи можно попробовать оценить спорное

¹⁵ Michael W. Doyle. *Empires*. Ithaca, NY, 1986; Alexander J. Motyl. *Revolutions, Nations, Empires: Conceptual Limits and Theoretical Possibilities*. New York, 1999; David A. Lake. *Escape from the State of Nature: Authority and Hierarchy in World Politics // International Security*. 2007. Vol. 32. No. 1. Pp. 47-79.

¹⁶ Philip Pettit. *Republicanism: A Theory of Freedom and Government*. Oxford, UK, 1997. Pp. 4-5.

пограничное пространство, отделяющее многонациональные государства от многонациональных империй, государства-гегемоны международных отношений от мировых империй – таковы основные альтернативы империи в современном мире. Сравнение с ними имеет принципиальное значение для понимания политики империи в Евразии на протяжении последнего столетия.

Важно отметить, что сегодня империя – уже совсем не то, чем она была раньше. На протяжении XX в. понятие империи как категории политики очень быстро менялось, эволюционируя под давлением нарастающего сопротивления и становления антиимперских норм государственного суверенитета и национального самоопределения. Сегодня мы живем в мире постимперских норм. Вследствие распада колониальных империй и утверждения в международном праве принципов суверенитета и самоопределения империя, по большому счету, превратилась в политическую патологию. Ни одно государство сегодня открыто не признает себя империей и не станет заявлять о том, что оно преследует имперские цели. С моей точки зрения, этот глобальный сдвиг общепринятых норм имел серьезные последствия для эволюции империализма, хотя в большинстве научных исследований, посвященных империи, им по-прежнему не придается должного значения.

Во-первых, радикально изменились связанные с империей практики. Почти исчезло завоевание – в прошлом ключевая практика, отождествляемая с империей. Со времени Второй мировой войны завоевание практически ушло из мировой политики благодаря утверждению в международных отношениях принципов государственного суверенитета и права наций на самоопределение. Эти принципы, возникшие как средство, позволяющее сдерживать последствия сбоев в функционировании империй, установили некоторые требования и сформировали ожидания по отношению к поведению власти имущих. Соответственно, отступление от этих стандартов стало расцениваться как “имперское” поведение. К таким нормам относятся следующие: формально существование колоний считается недопустимым; государство может применять силу лишь в оборонительных целях и при однозначно выраженном одобрении со стороны “международного сообщества”; государственный суверенитет должен соблюдаться, т.е. государственные границы могут быть изменены лишь с согласия этого государства, оно же выносит окончательное решение во всех спорах на своей территории, хотя его власть и ограничивается рамками международного права; государство использует свою гегемонию в первую оче-

редь для удовлетворения общественных потребностей, а не исключительно для собственного возвышения или достижения чьих-то частных интересов; военная оккупация или управление страной иностранными силами допустимы лишь в тех случаях, когда они почти не встречают значительного сопротивления. С этой точки зрения содержание понятия “советская империя” существенно отличается от того смысла, который мы вкладываем, когда речь заходит о дореволюционной Российской империи. Даже если Советский Союз и стремился распространить свою власть и контроль за пределы собственных рубежей, территориальная экспансия все же по большей части не была для него “постоянной и высшей политической целью”.¹⁷ (Я пользуюсь здесь выражением Ханны Арендт, которое она применяла для характеристики европейского империализма). Безусловно, Советы использовали военную силу Красной армии для того, чтобы удержать территорию бывшей Российской империи под своим контролем. Не вполне ясно, однако, можно ли это расценивать как “завоевание” в традиционном смысле этого слова хотя бы потому, что эти земли хотели выйти из состава Российского государства, а национальные движения, стремившиеся к власти, были в это время еще чрезвычайно слабы и зачастую не казались легитимными в глазах того населения, к которому они апеллировали.¹⁸ Видимо, Советский Союз стал для них “империей” не потому, что националистически настроенные группы населения испытали притеснения в годы гражданской войны, а потому что в дальнейшем советская политика проводилась волюнтаристски и с применением насилия. Восприятию СССР как империи способствовали насаждавшиеся практики культурной иерархизации и неравноправного обращения с народами. Наконец, важными факторами были постепенная консолидация и рост национального самосознания среди советского населения. Больше всего под определение завоевания в советской истории подходят территориальные приобретения СССР на основе пакта Молотова-Риббентропа 1940 г. Неслучайно почти пятьдесят лет спустя, на фоне распада Советского Союза, именно из областей, присоединенных к СССР по этому пакту, начал распространяться антиимперский и сепаратистский национализм. Тем не менее пакт Молотова-Риббентропа был заключен до того, как в международном праве произошла окончательная консолидация комплекса норм, связан-

¹⁷ Hannah Arendt. *The Origins of Totalitarianism*. New York, 1958. P. 125.

¹⁸ Ronald Suny. *Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, CA, 1993.

ных с принципом государственного суверенитета, что произошло уже после Второй мировой войны. При этом в эпоху гласности только претензии народов Прибалтики были сосредоточены на теме завоевания и “оккупации”. Что касается наций Восточной Европы, то “пленными” они оказались не в результате завоевания. Скорее, здесь можно говорить об отсутствии уважения Москвы к нормам государственного суверенитета, т.е. к принципу, согласно которому государство является верховной инстанцией по отношению ко всем спорам на своей территории. В результате утверждения норм государственного суверенитета тема российских завоеваний сегодня звучит в основном применительно к “внутренней”, а не к “внешней империи”, вращаясь вокруг наследия завоевательной политики прошлых веков. Однако это же послевоенное утверждение норм государственного суверенитета привело к тому, что “внутренняя империя” воспринималась как таковая с меньшей готовностью, нежели “внешняя”. Например, имперская составляющая советского государства гораздо раньше была признана применительно к политике СССР на международной арене, нежели в сфере его внутренней политики. Последнее в известной степени произошло лишь тогда, когда Советский Союз уже начал рассыпаться, и даже после его окончательного распада. Более того, завоевания, на которые ссылаются, когда речь заходит о советской империи, часто относятся к достаточно далекому прошлому. Их отделяет от нас дистанция в пятьдесят, семьдесят пять или даже пятьсот лет, в то время как общепринятые нормы государственного суверенитета предписывают соблюдать существующие государственные границы, даже если когда-то давно эти границы были установлены насильственным путем. Поэтому по сравнению с империями прошлого в современном мире суверенных государств культурные аргументы и политика исторической памяти играют гораздо более важную роль в формировании империй.

Последнее замечание позволяет нам перейти к рассмотрению еще одного аспекта эволюции понятия империи. В отличие от прошлого, сегодня империя в известной степени определяется через наличие вызываемого ею национального сопротивления. Это связано с тем, что империя как категория практики стала в такой же мере политически мотивированным ярлыком, как и структурным явлением. “Империя” используется для обозначения формы узурпации прав нации, а национализм и национальная мобилизация масс играют важную роль в формировании восприятия империи. Царская Россия была империей не потому, что там существовала националистическая оппозиция. Одна-

ко именно присутствие сильной националистической оппозиции создавало Советскому Союзу репутацию империи как в Восточной Европе, так и внутри страны. Без этой оппозиции СССР был бы не империей, а просто могущественным многонациональным государством. Само понятие советской империи содержало в себе притязания оппозиционных сил на статус нации. Чем сильнее было национальное сопротивление власти Советов, тем более укреплялась имперская репутация СССР внутри страны. Таким образом, любая попытка объяснить устойчивость империи в мире суверенитета и права наций на самоопределение должна учитывать такие факторы, как формирование национального самосознания и мобилизация масс национальными движениями. При этом речь должна идти не только о том, каким образом активисты национальных движений мобилизуют против империи население, к которому они апеллируют, но и о тех условиях, о той политике, которые делают государства уязвимыми по отношению к антиимперской оппозиции.

Третье последствие утверждения международных принципов государственного суверенитета и права наций на самоопределение для использования империи в политике состоит в том, что имперская репутация становится все более значимым фактором. Империя превращается в форму отрицательной характеристики, которую государству приписывают другие. Государства больше не стремятся сознательно поддерживать славу о себе как об империи. Иными словами, империя – это дурная репутация. Представление об СССР как об империи значительно менялось во времени и пространстве – оно в разной степени было свойственно разным народам этой страны и разным группам населения. Действительно, только в процессе распада СССР его имперская репутация утвердилась окончательно, несмотря на то, что многие методы, которые способствовали появлению этой репутации, практиковались Москвой десятилетиями. Здесь, как мне кажется, заключается принципиальное отличие плохой репутации от хорошей. Хорошую репутацию очень легко разрушить – одного события бывает достаточно, чтобы погубить ее и подорвать доверие людей. Напротив, плохая репутация, когда она уже сложилась, становится “прилипчивой”. От тех, о ком уже идет дурная слава, люди ждут только плохого. Прежде чем они поверят дискредитированному актору, должно произойти множество событий, которые убедят их в том, что его характер изменился к лучшему. “Прилипчивость” плохой репутации – это как раз то, что имеет в виду Доминик Ливен, когда пишет об “историчес-

ком клейме империи”,¹⁹ т.е. о том, что другим странам трудно поверить государству, ставшему преемником распавшейся империи. Как замечает Терри Мартин, “Индия и Индонезия обладают преимуществом: их собственных граждан и весь остальной мир еще нужно убедить в том, что они – империи. Советскому Союзу нужно доказывать обратное”.²⁰

Прилипчивость дурной репутации – один из ключевых механизмов, связующих политику империи трех очень разных политических режимов в евразийском регионе на протяжении последнего столетия. В качестве преемника Советского Союза постсоветская Россия унаследовала “историческое клеймо империи”, которым было отмечено советское государство. Имперская репутация оказалась достаточно прилипчивой, несмотря на смену режима. Она определяет то, каким образом интерпретируется внешнеполитический курс постсоветской России, в особенности в так называемом Ближнем зарубежье, в Восточной Европе и на Западе, т.е. в тех регионах, которые на своем опыте познакомились с советской империей. Как выразился бывший министр обороны Польши Бронислав Коморовски: “Наш прошлый опыт показывает: у нас есть все основания бояться Москвы”.²¹ Президент Владимир Путин сам признает, что имперское прошлое в значительной мере определяет то, каким образом воспринимаются действия современной России. “Основной проблемой, с моей точки зрения, – говорит Путин, – является тяжелое имперское наследие России. Почему-то все думают, что Россия остается империей, и продолжают относиться к ней как к империи”.²² Не так давно я провел исследование, изучив несколько сотен статей, опубликованных в мировой печати, в которых современная Россия называется империей или характеризуется с помощью прилагательного “имперский”. Более чем в половине из них современный российский империализм расценивается как возрождение чего-то “старого”. Более того, почти в 80 % этих публикаций российский империализм отождествляется в первую очередь с амбициями, претензиями и стремлениями России – в гораздо большей степени, чем с какими-либо другими упоминаемыми чертами. Иными

¹⁹ Dominique Lieven. *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. New Haven, CT, 2000. P. 330.

²⁰ Terry Martin. *The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category* // *Ab Imperio*. 2002. No. 2. P. 103.

²¹ Agence France Presse (AFP). 2004. December 7.

²² ИТАР-ТАСС. 1999. 9 октября.

словами, обвинения в имперском характере современной России в такой же мере вызваны страхом перед возрождением российского господства, как и конкретными действиями самой России. России приходится нести бремя приставшего к ней “исторического клейма империи”. Именно потому, что современная Россия является преемницей Советского Союза, в некоторых отношениях к ней предъявляются более высокие требования, чем предъявлялись бы в том случае, если бы она ею не была. Россия должна доказывать другим, что она не вынашивает имперских замыслов, не стремится доминировать, что ее отношения с другими странами строятся на основе взаимности, что она не применяет власть произвольно, прибегает к силе только для самообороны и с одобрения мирового сообщества, использует свою гегемонию для удовлетворения общих потребностей, а не ради самовозвеличивания или в корыстных интересах.

Вплоть до настоящего времени постсоветская Россия не слишком успешно справлялась с задачей убеждения других в том, что она уже прошла имперскую стадию в своем развитии. Политика империи в евроазиатском регионе сегодня строится именно вокруг вопроса о доверии. При Ельцине Россия очень быстро попыталась при помощи интеграции в рамках СНГ восстановить свое господствующее положение в системе международных отношений на постсоветском пространстве. Однако эти попытки провалились к концу 1990-х гг., во многом из-за слабости российского государства и недоверия, которое они вызвали у соседей России. Путинская Россия, напротив, в области внешней политики пошла по совершенно иному пути. Благодаря резкому росту цен на энергоносители и приобретенному таким образом богатству Россия попыталась использовать свое экономическое могущество для того, чтобы утвердить российские геостратегические интересы в регионе. Конечно, если перед нами империя, то она совершенно другая, нежели раньше. Однако такая политика отражает общее стремление России занять господствующую позицию в системе международных отношений, и это стремление связано с российским прошлым. Возможно, самое главное здесь то, что путинские методы, при помощи которых он пытается восстановить положение России в мире, подорвали доверие к ее намерениям у очень многих людей в Европе, Северной Америке и в странах бывшей советской империи. Россия резко и в одностороннем порядке подняла цены на энергоносители для тех государств, чья политика ей не нравилась. Когда Украина и Беларусь возмутились таким резким подорожанием, им прекра-

тили поставки газа. Импорт грузинских и молдавских вин в Россию запретили тогда, когда эти государства стали сближаться с Соединенными Штатами и Европой. В ответ на разоблачение российской агентурной сети в Грузии Россия полностью прервала все связи с этой страной, началось нагнетание антигрузинской истерии, а несколько сотен грузин совершенно незаконно были высланы из Москвы. Россия прекратила поставки нефти в Эстонию из-за того, что эстонское правительство приняло решение о переносе памятника советским солдатам, погибшим во Второй мировой войне. За кулисами Россия пыталась манипулировать результатами выборов в Украине, Литве и других государствах. Этот список можно продолжать. Как замечает одна немецкая газета, «что можно думать о партнере, которому, по всей видимости, все равно, губит ли он свою репутацию или нет, лишь бы заставить слушаться себя и наказать Грузию или Беларусь?»²³

Это подводит нас к рассмотрению второго механизма, обеспечивающего воспроизводство политики империи в России при переходе от одного режима к другому. Речь идет об устойчивости модели социального поведения, которая предполагает стремление к занятию привилегированного статуса в иерархической структуре. Речь также идет о тех возможностях и соблазнах, которые эта инерция открывает перед руководством страны. Утверждение национального могущества внутри страны и за ее пределами придает правительству легитимность. На примере СССР мы знаем, что во время гражданской войны русские переселенцы в Средней Азии, в Крыму и на Северном Кавказе воспринимали этот конфликт сквозь призму давних межэтнических отношений и поддерживали любую власть, которая помогла бы им отстаивать свои местные интересы, что позволило советской власти заручиться в этих регионах поддержкой на местах.²⁴ Известно также, что часть русской интеллигенции увидела в становлении советского государства возрождение Российской империи и встала на сторону большевиков, поскольку хотела видеть свою страну в ряду ведущих игроков международной политики. Мы знаем, что в 1930-е – 1940-е гг., когда Сталин восстанавливал превосходство всего русского и стремился превратить СССР в сверхдержаву, он опирался на глубокие культурные различия внутри советского общества. Утверждение роли России на мировой арене и преобладание интересов централизованного рус-

ского государства над интересами местных этнических групп с давних пор являются той основой, на которой сменяющие в этой стране друг друга режимы добиваются легитимности в глазах отдельных слоев населения. Конечно, в современной России очень сильна ностальгия по всему советскому, во многом связанная с желанием некоторых групп восстановить былой статус русских как внутри страны, так и за ее пределами. Опросы общественного мнения показывают: приблизительно треть населения страны согласна с тем, что историческая миссия России заключается в объединении народов в союз, который должен стать преемником Российской империи и СССР.²⁵ В разное время близкие показатели давали опросы, в которых люди высказывались в пользу естественности империи для России²⁶ и в поддержку стремления России стать ведущей державой на мировой арене.²⁷ Хотя повсюду в современном мире империя связывается с чем-то отрицательным, в России сегодня империя гораздо чаще упоминается в положительном смысле. Это контрастирует с ситуацией в Америке, где позитивная характеристика Соединенных Штатов как империи встречается значительно реже. Поэтому для современного российского руководства весьма соблазнительно использовать укрепление российского могущества внутри страны и за рубежом для упрочения собственной легитимности. Мы наблюдали это на примере некоторых недавних шовинистических действий Путина. Тем не менее следует с большой осторожностью подходить к разговорам о российской культуре в целом или об империалистических инстинктах, будто бы ей свойственных. Если всего одна треть россиян считает, что Россия должна быть империей, то что думают остальные две трети? Как отметил один российский обозреватель, имперские амбиции не занимают ведущих мест в перечне приоритетов среднего россиянина, опросы общественного мнения показывают, что их все время опережают экономические проблемы.²⁸ Таким образом, нужно с большой осторожностью ссылаться на массовую культуру при объяснении живучести империи в регионе: не только далеко не все население России в равной степени питает имперские амбиции, но и ее руководители могут выбирать, потакать или нет этим настроениям.

²⁵ Новые известия. 1999. 30 октября. С. 1. Цит. по: What the Papers Say. 1999. November 1. 1999.

²⁶ См.: http://polls.orspub.com/document.php?id=quest91.out_14694&type=hitlist&num=6.

²⁷ См.: RFE/RL Newline. 2001. Vol. 5. No. 136. Part I. July 20.

²⁸ RFE/RL Newline. 2007. Vol. 11. No. 14. Part I. January 24.

²³ RFE/RL Newline. 2007. Vol. 11. No. 5. Part I. January 10.

²⁴ Richard Pipes. The Formation of the Soviet Union. Rev. ed. Cambridge, MA, 1974. Pp. 155-192.

Здесь мы переходим к третьему механизму, который может способствовать воспроизводству империи при переходе от одного режима к другому: это преемственность интересов, идеологий, характерных типов поведения политических и бюрократических элит. Исследование Франсин Хирш, посвященное российским этнографам, иллюстрирует очень многое из того, что я здесь имею в виду. Хирш показывает, как специалисты-этнографы, сформировавшиеся еще до революции, привлекались в советской России для решения национального вопроса, как эти ученые принесли с собой имперские методы и имперский стиль мышления, характерные для старого режима.²⁹ Адам Улам заметил, что с точки зрения российской внешней политики “ноябрь 1917 не стал чистым листом”. “За новым культом, новым правящим классом, новым языком скрывалась некая основополагающая связь с имперским прошлым” – глубинные структуры мышления, этатистская идеология, сохранившиеся несмотря на смену государственного строя.³⁰ Как отметила на пленарном заседании нынешней конвенции AAASS Нэнси Конди, преемственность в отношении к другим странам и к другим народам внутри страны действительно могла быть обусловлена сохранением этатистской идеологии и моделей развития, основанных на государственном руководстве. При переходе от дореволюционной империи к советской произошла гораздо более масштабная смена элит, чем при переходе к современной постсоветской России. Действительно, новый самоуверенный настрой России в международной политике сегодня во многом исходит от российских элит, а не от масс. Например, опросы общественного мнения показывают: 80% офицеров российских вооруженных сил считают, что Россия должна восстановить свой статус великой державы в мире. Это гораздо более высокий показатель, чем у российского общества в целом, где подобной точки зрения придерживается лишь одна треть.³¹ Роль “силовиков” в нынешнем утверждении могущества России совершенно очевидна. Неудивительно, что российская элита, в состав которой входит слишком много представителей “щита и меча” бывшей империи, стремится к воссозданию доминирующего положения России на мировой арене или произвольно распоряжается властью как внутри стра-

²⁹ Francine Hirsch. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, NY, 2005.

³⁰ Adam B. Ulam. *Expansion and Coexistence: Soviet Foreign Policy, 1917-1973*. 2nd ed. New York, 1974. P. 5.

³¹ RFE/RL Daily Report. 1994. September 9. No. 172.

ны, так и за ее пределами. В этом смысле для объяснения устойчивости политики империи в Евразии, вероятно, гораздо больше дает Шумпетер, чем Галахер, Робинсон, Хардт и Ленин.

Наконец, позвольте мне высказаться умозрительно о воспроизводящейся структурной ситуации в Евразии, обращение к которой, как мне кажется, позволяет осмыслить политику империи в этом регионе в категориях рационального выбора, с реалистических позиций. Ученые в настоящее время считают, что птицы летят клином вовсе не потому, что они так запрограммированы на генетическом уровне или сознательно пытаются образовать такую фигуру. Скорее, к такому поведению их толкает сочетание двух факторов – стремление к близости и воздействие физических сил. Иными словами, птицы стараются лететь близко друг к другу, но не настолько, чтобы это стало опасным. В то же время они стремятся занять такое положение, в котором сопротивление ветра было бы минимальным. Возможно, что и империя в Евразии – результат сочетания целого ряда совершенно различных действующих сил. Поведение обществ этого региона обусловлено тем, что они вынуждены жить в тесном соседстве и в то же время двигаться в одном и том же воздушном потоке, образуемом постоянно существующим неравенством в соотношении сил между российским государством и другими странами региона. Это обстоятельство не только провоцирует Россию к установлению иерархий и самоуверенному поведению (или, по крайней мере, ничто не противостоит данной тенденции), но оно способствует нагнетанию у соседей России страха перед возрождением империи, приводит к тому, что они начинают интерпретировать изменяющиеся действия России в имперском ключе. Иными словами, политика империи, возможно, сохраняется в Евразии не потому, что такова внутренняя природа России, не потому, что действующие лица здесь сознательно стремятся к достижению имперских целей, и не потому, что Россия в прошлом уже действовала подобным образом, а по причине того, что воспроизводящийся структурный дисбаланс в соотношении сил заставляет всех участников политической игры играть достаточно знакомые им роли.

Итак, я считаю весьма полезным задуматься об империи в Евразии как о категории практической политики, менявшейся с течением времени, а также о механизмах, обуславливающих живучесть этой категории несмотря на принципиально различные смыслы, которые вкладывались в нее применительно к трем режимам, сменявшим друг друга в России на протяжении последнего столетия. Предлагая проблему

“воспроизводства империи” в качестве темы нашего конгресса, я стремился (как и в моем выступлении перед вами) разрушить барьеры, разделяющие нас, когда мы собираемся здесь, каждый в своем кругу. Обсуждение этой темы должно помочь преодолеть дисциплинарные и хронологические границы, вовлечь всех участников в обсуждение больших проблем, которые, конечно же, существуют в славистике, и стимулировать формирование междисциплинарного интеллектуального пространства, столь важного для успеха нашей ассоциации. AAASS – выдающаяся ассоциация, в ней много ученых, занятых интереснейшей, творческой работой, и я счастлив, что мне выпала честь быть в минувшем году ее президентом.

SUMMARY